

С тех пор как Цзянь Сюньцзянь вернулась, Мужун Цзюэ уже дважды предупреждал Чу Мэн.

После прошлой попытки отравить её и сегодняшнего падения в воду в Городе Десяти Тысяч Призраков для неё больше не оставалось места.

Мужун Цзюэ дал ей немного духовных камней, а также мирского золота и серебра, сказав:

— Былую благодарность я полностью вернул за эти три года. С этого момента мы друг другу ничего не должны.

Услышав это, Чу Мэн мгновенно ощутила могильный холод, пронзивший её до костей, и никак не хотела верить услышанному.

Она с таким трудом добралась до сегодняшнего дня и даже не пожалела капли собственной души, чтобы взрастить Цветок Ненависти к Миру.

Цветок Ненависти к Миру — как следует из самого названия, это злосчастный цветок, наполняющий человеческое сердце жгучей ненавистью. Стоит лишь поместить его внутрь тела, как он сливается с ним воедино, а при активации человек оказывается заперт в череде мучительных сновидений, вновь и вновь переживая прошлые страдания, после пробуждения же он окончательно превращается в бездумную марионетку для убийств.

Много лет назад, когда Мужун Цзюэ ещё находился на Горе Сюаньцзи, она уже подбросила семя этого цветка в его тело, вот только по какой-то причине оно до сих пор не было активировано.

Она думала, возможно, всё дело в том, что их первая встреча оказалась донельзя ошеломляющей и породила в ней ложное подобие влюблённости.

Давным-давно она была беззаботной принцессой народа цзяжэнь в Цзяочжоу.

О её народе издавна ходила легенда: плоть цзяжэнь обладает чудесными свойствами, смертные, вкусив её, продлевают годы и обретают бессмертие, а культиваторы — совершают стремительный, несравненный ни с чем рывок в уровне культивации.

Обыватели глупы, им вовсе не прельщает докапываться до правды, они лишь охотно верят в худшее.

И вот народ цзяжэнь стал жертвой безжалостной охоты, превратившись в необратимую реальность.

Под защитой сородичей Чу Мэн удалось спастись от той кровопролитной облавы, но в мире

смертных, скрывая своё истинное имя, она взрастила в сердце ненависть, воплотившуюся в Цветок Ненависти к Миру.

Позже, по воле слепого случая, она попала в Секту Шуян и увидела того юношу, которого из-за выдающегося таланта третировали соученики, а он не давал сдачи.

Будучи так жестоко обиженным, он неизменно улыбался.

Больше всего на свете она не выносила, когда кто-то улыбается так лучезарно, и её сердце непреодолимо влекло уничтожить его. Выбрав подходящий момент, она попыталась подкрасться и столкнуть юношу-культиватора со скалы, но её нога соскользнула, и она чуть не рухнула вниз сама. В самый критический момент чья-то сила вернула потерявшую равновесие девушку обратно.

Повернувшись, она встретила взглядом с глазами юноши, и сердце её словно пропустило удар, в голове образовалась пустота, а от прежних тёмных замыслов не осталось и следа. Она лишь восхищалась ослепительным человеком перед ней.

Прекрасный, словно небожитель, это божество было теплым и пылким, не позволяя затаить злых умыслов.

В последующие дни она часто появлялась, когда юношу обижали, защищая его, и постепенно они стали наполовину друзьями.

Радость всегда мимолетна; так и она, не забывая о хранившейся в сердце мести, в конце концов всё же решила подселить Цветок Ненависти к Миру в тело юноши.

С какой стати он одарен природой столь выдающимися талантами, с какой стати он неизменно улыбается при любых невзгодах? Она намеревалась использовать его дар в собственных интересах.

Имея столь зловещий умысел, она раз за разом проявляла слабость, так до конца и не активировав цветок. Однако Цветок Ненависти к Миру нёс в себе чистейшее иньское и зловещее начало, и даже без активации он незримо пожирал рассудок носителя.

И когда на Горе Сюаньцзи он в беспамятстве перебил соучеников, и когда после выхода из Бездны Убийства Богов превратился в демонического владыку — всё это было его рук делом.

Прежде у Чу Мэн теплилась крошечная искра иллюзий и надежд: если бы Мужун Цзюэ принял её, она бы действительно смогла отказаться от мести.

Но суровая реальность заключалась в том, что в сердце Мужун Цзюэ для неё не было и капли места.

Глядя на вещи, оставленные ей Мужун Цзюэ, Чу Мэн с размаху швырнула их на землю.

Она должна уйти? Как бы не так!

Она не просто не уйдёт — она полностью пробудит Цветок Ненависти к Миру, превратит его в собственную послушную марионетку, которая отныне и навек преклонится перед ней.

* * *

Тем временем Цзян Жао узнала от Сяо Тао о скором уходе Чу Мэн, и настроение её мгновенно испортилось.

Сяо Тао недоуменно спросила:

— Госпожа, та женщина уходит, почему же вы вместо этого расстроились?

Цзян Жао ответила:

— Да потому что я не могу радоваться!

Сяо Тао покачала головой, не понимая её.

В её глазах госпожа и Чу Мэн были заклятыми соперницами, и уход Чу Мэн означал, что хозяин города любит госпожу ещё сильнее, чему следовало бы только радоваться.

Но для самой Цзян Жао это было не поводом для радости, а источником величайшей головной боли.

Стоит вспомнить, что по изначальному сюжету именно из-за этого инцидента с падением в воду между главными героями возникла трещина, и главная героиня в сердцах тайком покинула Город Десяти Тысяч Призраков, положив начало первой сюжетной арке этого романа — Миру снов Юлань.

Короче говоря, радоваться она никак не могла. Не успела она толком отдохнуть и пару дней, как Система снова принялась подгонять её к выполнению задания, да ещё какого — смертельно опасного! Жизнь ей что, не дорога?

И точно, в следующий же миг перед глазами выскочило окно Системы: Хозяйка, Мир снов Юлань вот-вот откроется, приготовьтесь и отправляйтесь немедленно.

Цзян Жао помассировала виски, рухнула обратно на подушку и продолжила спать.

Ей нужно было как следует набраться сил, чтобы потом и дальше сражаться ради любви главных героев.

Этот сон назывался Юлань главным образом потому, что главный герой, впавший в исступление при культивации и погрузившийся в глубокий сон, грезил о множестве несчастий из прошлого, однако все эти бедствия неизменно рассеивались стараниями главной героини.

Очнувшись, Мужун Цзюэ осознал всё горьким опытом, постепенно разобрался в собственных чувствах и снова бросился возвращать беглянку.

В комнате царила жуткая тишина. Цзян Жао заметила, как Сяо Тао воскуривает благовония: струйки белого дыма поднимались вверх спиралями, выглядя весьма живописно.

— Что это за благовония? Довольно приятный запах, — невзначай поинтересовалась Цзян Жао.

Сяо Тао застенчиво улыбнулась:

— Это самые обычные успокаивающие благовония.

С этими словами она удалилась. Цзян Жао проводила взглядом её фигуру, скрывшуюся за ширмой, на смену которой пришёл тёмный силуэт — смутный и неясный, но стоило ему приблизиться, как Цзян Жао отчетливо разглядела его лицо.

Мужун Цзюэ!

Она слегка приоткрыла рот, беззвучно произнося его имя, но с её губ не сорвалось ни единого звука.

Угадав по движению её губ собственное имя, Мужун Цзюэ присел на край кровати, поправил одеяло и тихо промолвил:

— Я здесь.

Мрачная хмарь, что годами клубилась в чертах его лица, теперь рассеялась, и в глазах больше не было прежней ледяной стужи — напротив, в них теплился жар, а из глубин струился мягкий свет.

Каждый дюйм воздуха в комнате к тому моменту пропитался ароматом благовоний, смешанным с присущим только Чу Мэн запахом. Мужун Цзюэ с первого же взгляда прозрел причину: эти успокаивающие благовония на самом деле обладали возбуждающим действием, однако неведомая сила почему-то удержала его от того, чтобы помешать этому. Он тоже ждал иллюзорного сна, в котором все боли и лютые морозы обратятся в счастье и тепло.

В следующий миг Мужун Цзюэ лег рядом, притянул руку Цзян Жао и спрятал ее у себя на груди.

В последний раз взглянув на уже крепко уснувшего человека, он медленно закрыл глаза.

—

Перед глазами вспыхнул белый свет, и Цзян Жао, прищурившись, постепенно сфокусировала взгляд.

В роскошном дворце на коленях стоял тщедушный мальчик в черных одеждах. На вид ему было лет семь-восемь, черты лица казались вполне миловидными и симпатичными, вот только он не переставая хмурился, а от всей его фигуры исходил такой холод, словно он отталкивал любого на тысячу ли вокруг.

Цзян Жао подошла ближе, присела перед мальчиком на корточки, заглянула ему в глаза и с виноватым видом протянула руку. Мальчик машинально отпрянул назад, но все равно не избежал участи быть потрепанным.

Раз уж великий злодей в детстве был таким милым, руководствуясь принципом грех не потискать, Цзян Жао изрядно наглаживала малыша.

Мужун Цзюэ не стерпел и изо всех сил впился зубами в руку Цзян Жао. Та вскрикнула от боли, после чего мальчик с силой толкнул ее, и она упала на землю.

— Убирайся! — выражение лица маленького сорванца говорило о том, что он готов идти до конца. — Не думай, что раз ты меня усыновила, то можешь творить всё, что вздумается. Еще раз посмеешь так со мной поступить — загрызу до смерти!

Хотя Цзян Жао понимала, что он зол по-настоящему, перед ней все же стоял всего лишь семи-восьмилетний ребенок, и даже в гневе он выглядел свирепо по-детски, совершенно не дотягивая до грозного величия взрослого Мужун Цзюэ.

Цзян Жао не удержалась и прыснула со смеху.

— Ха-ха-ха... Не думала я, что ты ростом с вершок, а норов имеешь такой крутой.

Мужун Цзюэ отвернулся, его маленькие ручки крепко сжались в кулаки.

Глядя на этот упрямый вид, Цзян Жао перестала смеяться, подошла ближе, протянула ему искусанную руку и примирительным, но обиженным тоном произнесла:

— Ладно! Я была не права, когда обошлась с тобой так, но ведь и ты меня укусил. Что же нам теперь делать?

Мужун Цзюэ бросил на нее взгляд, а затем сквозь зубы рявкнул:

— Так тебе и надо!

И, не дожидаясь ответа Цзян Жао, тут же убежал.

Цзян Жао: «.....??»

Она неловко отдернула руку и кое-как обработала рану. На самом деле Мужун Цзюэ не приложил всю силу, иначе всё было бы залито кровью.

Этот сон оказался долгим, и его первая сцена относилась к детским годам Мужун Цзюэ.

Изначально он был вторым сыном, рожденным королевой государства Цифэн. При родах королева умерла в муках, к тому же все вокруг увядало, а любые яркие краски в мире поблекли и потускнели, из-за чего мальчика сочли дурным предзнаменованием.

Правитель возложил вину за смерть жены на новорожденного Мужун Цзюэ, совершенно не мог полюбить его и даже временами подумывал о том, чтобы убить. Однако, помня, что ребенок рожден королевой, он так и не смог решиться на это и просто отдал его на воспитание наложнице Цзин. Но наложница Цзин тоже считала мальчика источником несчастий и всегда презирала его; лишь одна из служанок ее дворца порой проявляла к нему заботу, отчего ему жилось чуть легче.

В первоначальном сюжете этой служанкой была не кто иной, как главная героиня Чу Мэн.

А наложницей Цзин оказалась сама первоначальная Цзян Сюньцян! Разумеется, теперь на ее месте была Цзян Жао.

Прежняя наложница Цзин являлась сестрой бывшего регента и попала во дворец, опираясь на могущество своего рода. Раньше она пользовалась кое-каким расположением императора, но все знали, что государь лишь притворялся ради сдерживания власти регента, а по-настоящему в его сердце жила лишь покойная королева.

После того как клан регента пришел в упадок и тот удалился на покой, император перестал кого-либо опасаться, начал постепенно отдаляться от наложницы Цзин и даже поручил ей заботиться о Мужун Цзюэ, которого считал проклятым.

Степень неприязни не нуждалась в лишних словах.

Что ж! Тоже неплохо, раз уж всё равно не любима. В конце концов, просто сменилось место, где можно есть и спать, это ни на что не влияло.

По изначальному сюжету Мужун Цзюэ в ту пору терпел жестокие притеснения во дворце, и служанка Чу Мэн стала для него единственным лучиком света, помогшим пережить это мрачное время.

Лишь позже, когда здание рухнуло под собственным весом, Мужун Цзюэ подвергся травле со стороны других принцев и был вынужден бежать, спасаясь от погони. И лишь после череды случайностей он в конце концов попал в Секту Шуян.

В этом сне первоначальная Цзян Сюньцян, будучи злодейкой, не совершала никаких особенных злодеяний — в основном лишь колотила и бранила Мужун Цзюэ, приходившегося ей сыном по имени, когда у нее было скверное настроение.

Лежа в тот день в колыбели, Цзян Жао вдруг почувствовала, что что-то здесь не так.

Этот сон был соткан подсознанием Мужун Цзюэ. Но ведь Цзян Сюньцян когда-то была той, к кого он испытывал чувства, так с чего бы ей превращаться в его мнимую... матушку? Да еще и злую мачеху?

Неужели его любовь к Цзян Сюньцян в глубине души сводилась к зависимости от матери?

От этой мысли ее бросило в дрожь, и ей показалось, что ветер стал еще холоднее.

Личная служанка Хань Юй торопливо набросила на нее накидку из лисьего меха. Цзян Жао улыбнулась ей, а вспомнив, что уже несколько дней не видела Мужун Цзюэ, между делом спросила:

— Кстати, где Мужун Цзюэ?

Хань Юй внезапно подняла голову, и выражение ее лица было невероятно изумленным.

Она помнила, что раньше ее госпожа только и делала, что называла Мужун Цзюэ не иначе как маленьким ублюдком, так почему же сегодня она вдруг заговорила иначе?

Впрочем, ей не следовало лезть в дела господ, и она правдиво ответила:

— Госпожа, маленький князь несколько дней назад дерзил наследному принцу, и государь велел ему коленопреклоненно стоять на ледяном озере, запретив подниматься без его приказа.

— Наследному принцу? — Цзян Жао на мгновение опешила, прежде чем сообразить.

Разве наследный принц не был кровным братом Мужун Цзюэ по матери и отцу?

Хотя в оригинальном романе описывалось, что Мужун Цзюэ рожден под зловещей звездой одиночества и даже родной отец считал его предвестием бед, в тексте не говорилось, что с ним обращались столь жестоко!

Хотя сейчас стоял период возвращения холодов и температура ничем не отличалась от двенадцатого лунного месяца, на дворе все-таки была ранняя весна, и снег со льдом обычно таяли со дня на день; даже если лед на озере был толстым, от долгого стояния на коленях он вполне мог протаять насквозь.

Хань Юй решила, что нахмуренные брови Цзян Жао означают недовольство слишком мягким наказанием, и осторожно добавила:

— Маленький князь стоит на коленях уже три дня, боюсь, он совсем лишится ног.

Цзян Жао резким движением вскочила с шезлонга, внезапно ощутив головокружение.

Лишь спустя мгновение она кое-как удержала равновесие.

— Что? Три дня?

Было просто немыслимо представить: даже крепкий взрослый мужчина, простояв на льду сутки, едва не лишился бы половины жизни, что уж говорить о семи-восьмилетнем ребенке.

— Веди меня туда, быстро.

Произнеся это, Цзян Жао велела готовить повозку, а лицо ее было встревоженным.

Хань Юй подумала, что ее госпожа снова направляется истязать Мужун Цзюэ, и не удержалась от вздоха:

— Хоть маленький князь и рожден принцем, жизнь ему выпала поистине горькая!

<http://bllate.org/book/22260/2329792>